

Ёрл Пирс

12+

Проклятие дома Дуриев

Ёрл Пирс
Проклятие дома Дуриев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66632746

SelfPub; 2021

Аннотация

Захватывающая история абсолютного ужаса, которая произошла в одиноком доме в лесах штата Мэн.

Содержание

1	4
2	16
3	23
4	28

Ёрл Пирс

Проклятие дома Дуриев

1

Артур Дурия, молодой, красивый мужчина, впервые за двадцать лет приехал, чтобы встретиться со своим отцом. Когда он вошел в вестибюль отеля – широкими шагами, в которых чувствовалась упругость, – праздные глаза поднялись, чтобы оценить его, потому что он был впечатляющей фигурой, полной какого-то мрачного восторга.

Портье поднял глаза со своей обычной улыбкой ожидания; как поживаете, мистер такой-то, и его пальцы потянулись к зеленой авторучке, которая стояла в подставке на столе.

Артур Дурия прочистил горло, но голос его все еще звучал сдавленно и неуверенно. Он сказал клерку:

– Я ищу своего отца, доктора Генри Дурия. Я так понимаю, он зарегистрирован здесь. Он недавно приехал из Парижа.

Клерк опустил взгляд на список имен.

– Доктор Дурья находится в номере 600, шестой этаж. – Он поднял глаза, вопросительно изогнув брови. – Вы тоже остаетесь, сэр, мистер Дурия?

Артур взял ручку и быстро написал свое имя. Не говоря больше ни слова, даже не позаботившись взять ключ и узнать номер своей комнаты, он повернулся и направился к лифтам. Только когда он добрался до апартаментов своего отца на шестом этаже, он издал какой-то слышимый звук, и это был всего лишь вздох, который сорвался с его губ, как молитва.

Мужчина, открывший дверь, был необычайно высок, его стройная фигура была одета в облегающий черный костюм. Он едва осмелился улыбнуться. Его чисто выбритое лицо было бледным, почти мертвенно-бледным на фоне блеска в глазах. Его челюсть отливала голубоватым блеском.

– Артур!

Это слово пронеслось едва слышным шепотом. Казалось, он тихо задыхался, как будто оно снова и снова повторялось на его тонких губах.

Артур Дурия почувствовал, как доброта этих глаз прошла сквозь него, а затем он оказался в объятиях своего отца.

Позже, когда эти двое взрослых мужчин обрели внешнее спокойствие, они закрыли дверь и вошли в гостиную. Старший Дурия протянул портсигар с прекрасными сигарами, и его рука так сильно дрожала, когда он держал спичку, что его сын был вынужден обхватить пламя ладонями. У них обоих были слезы на глазах, но их глаза улыбались.

Генри Дурия положил руку на плечо сына.

– Это самый счастливый день в моей жизни, – сказал он. – Ты никогда не поймешь, как сильно я ждал этого момента.

Артур, глядя в эти глаза, с растущей гордостью осознал, что любил своего отца всю свою жизнь, несмотря ни на что. Он присел на краешек стула.

– Я... я не знаю, как себя вести, – признался он. – Ты удивляешь меня, отец. Ты так отличаешься от того, что я ожидал.

По лицу доктора Дурии пробежала тень.

– А чего ты ожидал, Артур? – быстро спросил он. – Дурной взгляд? Бритая голова и узловатые челюсти?

– Пожалуйста, отец – не надо! – слова Артура оборвались на полуслове. – Я не думаю, что когда-либо действительно представлял тебя. Я знал, что ты будешь замечательным человеком. Но я подумал, что ты будешь выглядеть старше, будешь больше похож на человека, который действительно страдал.

– Я страдал больше, чем смогу когда-либо описать. Но встреча с тобой снова и перспектива провести с тобой всю оставшуюся жизнь с лихвой компенсировали мои печали. Даже за те двадцать лет, что мы были в разлуке, я испытывал ироническую радость, узнавая о твоих успехах в колледже и о твоей американской игре в футбол.

– Значит, ты следил за моей жизнью?

– Да, Артур, я получаю ежемесячные отчеты с тех пор, как ты ушел от меня. Со времени учебы в Париже я был очень близок к тебе, решал твои проблемы, как если бы они были моими собственными. И теперь, когда двадцать лет прошли, запрет, который разделял нас, снят навсегда. Отныне, сынок,

мы будем самыми близкими друзьями – если только твоя тетья Сесилия не преуспеет в своей ужасной миссии.

Упоминание этого имени вызвало незнакомый холодок, пробежавший между двумя мужчинами. Это означало что-то в каждом из них, что разъедало их разум, как злокачественная опухоль. Но для младшего Дурии это были напряженные усилия забыть ужасное прошлое, ее имя, как и ее безумие.

У него не было желания продолжать разговор на эту тему, потому что он выдавал внутреннюю слабость, которую он ненавидел. С напускной решимостью и нелепо приподняв брови, он сказал:

– Сесилия мертва, и ее глупое суеверие тоже умерло. С этого момента, папа, мы будем наслаждаться жизнью так, как должны. В этом случае прошлое действительно в прошлом.

Доктор Дурия медленно закрыл глаза, как будто его пронзила острая боль.

– Значит, ты не против? – спросил он. – В тебе нет ненависти твоей тети?

– Против? Ненависть? – Артур громко рассмеялся. – С тех пор как мне исполнилось двенадцать лет, я не верил рассказам Сесилии. Я знал, что эти ужасные вещи невозможны, что они принадлежат к древней категории мифологии и традиции. Как же тогда я могу быть против или ненавидеть тебя? Как я могу что-то сделать, кроме как признать Сесилию такой, какой она была – подлой, разочарованной женщиной,

проклятой безумной обидой на тебя и твою семью? Я говорю тебе, папа, что ничто из того, что она когда-либо говорила, не может снова встать между нами.

Генри Дурия кивнул головой. Его губы были плотно сжаты, а мышцы горла сдерживали крик. Тем же мягким тоном защиты он заговорил дальше, сомневаясь в словах.

– Ты так уверен в своем подсознании, Артур? Можешь ли ты быть настолько уверен, что ты свободен от всех подозрений, какими бы смутными они ни были? Разве нет давнего предчувствия – предчувствия, которое предупреждает об опасности?

– Нет, отец, нет! – Артур вскочил на ноги. – Я в это не верю. Я никогда в это не верил. Я знаю, как знал бы любой здравомыслящий человек, что ты не вампир и не убийца. Ты тоже это знаешь; и Сесилия это знала, только она была сумасшедшей. Эта семейная гниль развеяна, отец. Это цивилизованный век. Вера в вампиризм – это чистое безумие. Слишком абсурдно даже думать об этом!

– В тебе есть энтузиазм юности, – сказал его отец довольно усталым голосом. – Но разве ты не слышал легенду?

Артур инстинктивно отступил назад. Он облизнул губы, чтобы они не потрескались от сухости.

– Легенду?

Он произнес это слово в странной тишине с благоговейной мягкостью, как много раз слышал от своей тети Сесилии.

– Эта ужасная легенда, что ты...

– Что я ем своих детей?

– О Боже, отец! – Артур упал на колени, когда крик сорвался с его губ. – Папа, это... это ужасно! Мы должны забыть бред Сесилии.

– Значит, ты поражен? – с горечью спросил доктор Дурия.

– Поражен? Конечно, я взволнован, но только так, как и должен быть при таком обвинении. Говорю тебе, Сесилия была сумасшедшей. Те книги, которые она показывала мне много лет назад, и те народные сказки о вампирах и упырях – они въелись в мой инфантильный разум, как кислота. Они преследовали меня днем и ночью в юности и заставляли ненавидеть тебя сильнее самой смерти. Но во имя Небес, отец, я перерос эти вещи, как перерос свою одежду. Теперь я мужчина, ты это понимаешь? Мужчина, с мужским чувством логики.

– Да, я понимаю. – Генри Дурия бросил сигару в камин и положил руку на плечо сына. – Мы забудем Сесилию, – сказал он. – Как я уже говорил тебе в своем письме, я снял домик в штате Мэн, куда мы можем поехать, чтобы побыть вдвоем до конца лета. Мы займемся рыбалкой, пешим туризмом и, возможно, немного поохотимся. Но сначала, Артур, я должен удостовериться, что ты уверен в себе. Я должен быть уверен, что ты не будешь запираешь от меня дверь ночью и спать с заряженным револьвером у локтя. Я должен быть уверен, что ты не боишься поехать туда со мной один и умереть...

Его голос резко оборвался, как будто им овладел вековой страх. Лицо его сына было восковым, на лбу, как жемчужины, выступил пот. Он ничего не сказал, но его глаза были полны вопросов, которые его губы не могли выразить словами. Его собственная рука коснулась руки отца и сжала ее.

Генри Дурия убрал руку.

– Мне жаль, – сказал он, и его глаза посмотрели прямо поверх опущенной головы Артура. – Все должно быть решено сейчас же. Я верю тебе, когда ты говоришь, что дискредитируешь рассказы Сесилии, но ради большего, чем здравомыслие, я должен рассказать тебе правду, стоящую за легендой – и поверь мне, Артур, это правда!

Он поднялся на ноги и подошел к окну, которое выходило на улицу внизу. Мгновение он молча смотрел в пространство. Затем он повернулся и посмотрел вниз на своего сына.

– Ты слышал только версию легенды своей тети, Артур. Несомненно, она была искажена в нечто гораздо более отвратительное, чем это было на самом деле – если это возможно! Несомненно, она говорила тебе о коле инквизиции в Каркассоне, где погиб один из моих предков. Также она, возможно, упомянула ту книгу "Вампиры", которую, как предполагается, написал покойный Дурия. Тогда, конечно, она рассказала тебе о двух твоих младших братьях – моих собственных бедных детях, оставшихся без матери, которых нашли бескровными в колыбели...

Артур Дурия провел рукой по воспаленным глазам. Эти

слова, так часто повторяемые его тетушкой-ведьмой, пробудили те же видения, из-за которых его детские ночи были бессонными от ужаса. Ему было невыносимо слышать их снова – и от того самого человека, которому они были адресованы.

– Послушай, Артур, – быстро продолжил старший Дурия, его голос был тихим от боли, которую он ему причинил. – Ты должен знать истинную причину ненависти твоей тети. Ты должен знать об этом проклятии – проклятии вампиризма, которое, как предполагается, преследовало род Дуриев на протяжении пяти веков французской истории, но которое мы можем развеять как чистое суеверие, так часто связанное с древними семьями. Но я должен сказать тебе, что эта часть легенды правдива. Два твоих младших брата действительно умерли в своих колыбелях, обескровленные. И я предстал перед судом во Франции за их убийство, и мое имя было опозорено по всей Европе таким бесчеловечным проклятием, что это привело твою тетю и тебя в Америку и оставило меня бездетным, ненавидимым и изгнанным из общества во всем мире. Я должен сказать тебе, что в ту ужасную ночь в замке Дуриев я допоздна работал над историческими томами Креспета и Принна и над этим отвратительным томом "Вампиры". Я должен рассказать тебе о боли, которая была у меня в горле, и о тяжести крови, которая текла по моим венам.... И того присутствия, которое не было ни человеком, ни животным, но которое, как я знал, находилось где-то ря-

дом со мной, но ни в замке, ни за его пределами, и которое было мне ближе, чем мое сердце, и страшнее для меня, чем прикосновение могилы.... Я сидел за столом в своей библиотеке, моя голова кружилась в бреду, который оставил меня без чувств до рассвета. Были кошмары, которые пугали меня – пугали меня, Артур, взрослого мужчину, который вскрывал бесчисленные трупы в моргах и медицинских школах. Я знаю, что мой язык распух во рту, и что слюна увлажнила мои губы, и что гниль пронизывала мое тело, как лихорадка. Я не могу вспомнить о здравомыслии или сознании. Та ночь остается яркой, незабываемой, но почему-то полностью в тени. Когда я заснул – если, во имя Господа, это был сон, – я рухнул поперек своего стола. Но когда я проснулся утром, я лежал лицом вниз на своем диване. Так что ты видишь, Артур, я перешел в ту ночь, и я не помню об этом! Что я делал и куда я ходил в те темные часы, навсегда останется непроницаемой тайной. Но я действительно знаю это. На следующее утро меня оторвали от сна вопли горничных и дворецких и этот безумный плач твоей тети. Я, спотыкаясь, вошел в открытую дверь своего кабинета и в детской увидел тех двух младенцев – безжизненных, белых и сухих, как мумии, с двумя отверстиями на шеях, которые почернели от собственной крови.... О, я не виню тебя за твое недоверие, Артур. Я сам еще не могу в это поверить и никогда не поверю. Вера в это довела бы меня до самоубийства; и все же сомнение в этом сводит меня с ума от ужаса. Вся Франция

сомневалась, и даже ученые, которые защищали мое имя на суде, обнаружили, что не могут ни объяснить это, ни не поверить в это. Республика замяла это дело, поскольку оно могло бы потрясти науку до самого ее основания и расколоть пьедесталы религии и логики. Я был освобожден от обвинения в убийстве, но само убийство висело вокруг меня, как злово-ние. Коронеры, которые обследовали эти крошечные трупы, обнаружили, что у них обоих не осталось крови, но не смогли найти крови ни на полу детской, ни в колыбелях. Что-то из ада бродило по залам дома Дуриев той ночью – и я бы вышиб себе мозги, если бы осмелился глубоко задуматься о том, кто это был. Ты тоже, сын мой, был бы мертв и обескровлен, е-сли бы не спал в отдельной комнате с запертой изнутри д-верью. Ты был робким ребенком, Артур. Тебе было всего семь лет, но ты был полон фольклора этих безумных ломбардцев и декадентской поэзии твоей тети. В ту же ночь, когда я был где-то между раем и адом, ты тоже услышал мягкие шаги по каменному коридору и услышал, как кто-то дергает за руч-ку твоей двери, потому что утром ты жаловался на озноб и ужасные кошмары, которые пугали тебя во сне.... Я только благодарю Бога, что твоя дверь была заперта на ключ!

Голос Генри Дурия перешел в рыдание, от которого на глаза снова навернулись жгучие слезы. Он сделал паузу, что-бы вытереть лицо и впиться пальцами в ладонь.

– Ты понимаешь, Артур, что в течение двадцати лет, со-гласно моей клятве во Дворце Правосудия, я не мог ни ви-

деть тебя, ни писать тебе. Двадцать лет, сын мой, и все это время ты ненавидел меня и плевал на мое имя. До самой смерти твоей тети ты не называл себя Дурия.... А теперь ты приходишь ко мне по своей воле и говоришь, что любишь меня, как сын должен любить своего отца. Возможно, это Божье прощение за все. Теперь, наконец, мы будем вместе, и это ужасное, необъяснимое прошлое будет похоронено навсегда...

Он положил носовой платок обратно в карман и медленно подошел к сыну. Он опустился на одно колено, и его руки сжали руки Артура.

– Сын мой, я больше ничего не могу тебе сказать. Я сказал тебе правду, как я один ее знаю. По общему мнению, я могу быть каким-нибудь отвратительным порождением сатаны на земле. Я могу быть детоубийцей, вампиром, каким-нибудь болезненно больным представителем вриколаков – представителем вещей, которые наука не может объяснить. Возможно, страшная легенда о Дуриях – правда. Аутиэль Дурия был осужден за убийство своего брата таким же чудовищным способом в 1576 году, и он умер в огне на костре. Франсуа Дурия в 1802 году разнес себе голову мушкетонном на следующее утро после того, как его младший сын был найден мертвым, очевидно, от анемии. И есть другие свидетельства, о которых мне невыносимо говорить, которые охладили бы твою душу, если бы ты их услышал. Так что ты видишь, Артур, за нашей семьей стоит адская традиция. Есть наследие,

которое ни один здравомыслящий Бог никогда бы не допустил. Будущее Дуриев лежит на тебе, ибо ты последний из рода. Я молюсь от всего сердца, чтобы провидение позволило тебе прожить свою полную долю лет и оставить после себя других Дуриев. И поэтому, если я когда-нибудь снова почувствую это присутствие, как в замке Дуриев, я умру, как умер Франсуа Дурия более ста лет назад... – Он встал, и его сын встал рядом с ним.

– Если ты готов забыть, Артур, мы поедem в тот домик в Мэне. Нас ждет жизнь, которой мы никогда не знали. Мы должны найти эту жизнь, и мы должны найти счастье, которое любопытная судьба вырвала у нас на этих ломбардских землях двадцать лет назад...

2

Высокий рост Генри Дурии в сочетании с гибкостью телосложения и изяществом мускулов придавали ему необычно изможденный вид. Его сын не мог не думать об этом слове, сидя на деревенском крыльце домика и наблюдая, как его отец загорает на берегу озера.

В лице Генри Дурии была доброта, временами почти возвышенная доброта, которой часто обладают великие пророки. Но когда его лицо было частично в тени, особенно вокруг лба, в его чертах появлялся пугающий оттенок, потому что это был тон отстраненности, мистицизма и колдовства. Каким-то образом поздними вечерами он облачался в неприступную мантию мечтателя и молча сидел у огня, постоянно витая в неведомых местах.

В этом маленьком домике не было электричества, и свет масляных ламп играл странные шутки с человеческим выражением лица, что часто приводило к чему-то нечеловеческому. Возможно, это были ночные сумерки, мерцание ламп, но Артур Дурия, безусловно, заметил, как глаза его отца еще глубже западали в глазницы, и как его щеки напряглись, и очертания его зубов вдавились в кожу вокруг губ.

Близился закат второго дня их пребывания в Тимбер-Лейк. В шести милях от туда грунтовая дорога вилась в сторону Хаутлона, недалеко от канадской границы. Так что

там было одиноко, на уединенном маленьком озере, окруженном темными вечнозелеными деревьями и небом, низко нависшим над горами с пыльными вершинами.

В домике был уютный камин и блестящая голова лося, выглядывавшая из-за каминной полки. На стенах висели ружья и рыболовные снасти, полки с надежной американской литературой – Марк Твен, Мелвилл, Стоктон и потрепанное издание Брета Харта.

Полностью оборудованная кухня и дровяная печь обеспечили их сытной едой, которая была желанной после целого дня прогулок по лесу. В тот вечер Генри Дурия приготовил отборное французское рагу из всех доступных овощей и банки супа. Они хорошо поели, а затем растянулись перед огнем, чтобы покурить. Они вместе планировали поездку на Восток, когда задняя дверь с оглушительным грохотом распахнулась, и в домик ворвался ветер с такой силой, что их обоих пробрал озноб.

– Шторм, – сказал Генри Дурия, поднимаясь на ноги. – Иногда они бывают здесь, и они довольно сильные. Крыша может протекать над твоей спальней. Возможно, ты захочешь поспать здесь, со мной. – Его пальцы игриво скользнули по голове сына, когда он вышел на кухню, чтобы запереть вращающуюся дверь.

Комната Артура находилась наверху, рядом с пустой комнатой, заставленной дополнительной мебелью. Он выбрал ее, потому что ему нравилась высота, и потому что един-

ственная другая спальня была занята....

Он быстро и бесшумно поднялся наверх. Его крыша не протекала; было абсурдно даже думать, что это может произойти. Это снова был его отец, предлагающий им спать вместе. Он делал это и раньше, в шутливой, шепчущей манере – как будто бросал вызов им обоим, если они осмеливались спать вместе.

Артур спустился вниз, одетый в банный халат и тапочки. Он стоял на пятой ступеньке, потирая двухдневную щетину.

– Я думаю, что побреюсь сегодня вечером, – сказал он отцу. – Могу я воспользоваться твоей бритвой?

Генри Дурия, закутанный в черный плащ, с лицом, обрамленным полями дождевика, выглянул из зала. Хмурое выражение смутно скользнуло по его лицу.

– Конечно, сынок. Спишь наверху?

Артур кивнул и быстро спросил:

– Ты... уходишь?

– Да, я собираюсь привязать лодки покрепче. Я боюсь, что озеро немного потреплет их.

Дурия рывком распахнула дверь и вышел наружу. Дверь захлопнулась, и его шаги зазвучали по деревянному настилу крыльца.

Артур медленно спустился по оставшимся ступенькам. Он увидел, как фигура его отца пересекла темный прямоугольник окна, увидел вспышку молнии, которая внезапно отпечатала его мрачный силуэт на стекле.

Он глубоко вздохнул, и этот вздох обжег ему горло, потому что горло у него болело и саднило. Затем он пошел в спальню, нашел бритву, лежащую на виду на березовой столешнице.

Когда он потянулся за ней, его взгляд упал на открытую сумку отца из Гладстона, которая стояла в ногах кровати. Там лежала книга, наполовину скрытая серой фланелевой рубашкой. Это была узкая книга в желтом переплете, странно неуместная.

Нахмурившись, он наклонился и достал ее из сумки. Она была удивительно тяжелой в его руках, и он заметил слабый тошнотворный запах разложения, который исходил от нее, как аромат духов. Название тома было убрано большим пальцем в неразборчивое пятно золотых букв. Но поперек обложки была наклеена белая полоска бумаги, на которой было напечатано на машинке слово – ИНФАНТИФАГИ.

Он откинул обложку и пробежал глазами по титульному листу. Книга была напечатана на французском – раннем французском – но для него совершенно понятном. Дата публикации – 1580 год, в Кане.

Затаив дыхание, он перевернул вторую страницу и увидел главу, озаглавленную "Вампиры".

Он опустил на один локоть поперек кровати. Его глаза были в четырех дюймах от этих заплесневелых вонючих страниц.

Он пропустил длинные абзацы педантичного жаргона по

теологии, он просмотрел краткие отчеты о странных, кровожадных монстрах, вриколаках и лепреконах. Он читал о Жанне д'Арк, о Людвиге Принне и вслух бормотал латинские отрывки из Епископи.

Он быстро перелистывал страницы, его пальцы дрожали от страха, а глаза провалились в глазницах. Он увидел смутное упоминание о "Енохе" и увидел ужасные рисунки древнего доминиканца из Рима....

Абзац за абзацем он читал: поразительные свидетельства Нидера, свидетельства людей, которые умирали, крича, на костре; рассказы могильщиков, юристов и палачей. Затем неожиданно, среди всего этого монументального наследия, перед его глазами появилось имя – Аутиэль Дурия; и он перестал читать, как будто его незримо ударили.

Гром ударил рядом с домиком и задребезжал в оконных стеклах. Глубокий рокот разрывающихся облаков эхом разнесся над долиной. Но он ничего этого не слышал. Его глаза были прикованы к тем двум коротким фразам, которые его отец – кто—то – подчеркнул темно-красным карандашом.

... Казнь четыре года назад Аутиэля Дурии не положила конец спору о роде Дуриев. Только время может решить, претендовал ли Демон на эту семью от ее начала до конца....

Артур читал дальше о суде над Аутиэлем Дурием перед Венити, генеральным инквизитором Каркассона; с нарастающим ужасом читал доказательства, которые отправили этого далеко зашедшего Дурию на костер – доказательства бес-

кровного трупа, который был младшим братом Аутиэля Дурии.

Не обращая внимания на ужасную бурю, разразившуюся над лесным озером, не обращая внимания на стук окон и шелест сосен на крыше – даже на своего отца, который работал на берегу озера под проливным дождем, – Артур пристально посмотрел на размытый шрифт этих страниц, погружаясь все глубже и глубже в искаженные легенды темного века....

На последней странице главы он снова увидел имя своего предка, Аутиэля Дурии. Он провел дрожащим пальцем по узким строчкам слов, а когда закончил их читать, перекатился на бок на кровати, и с его губ сорвалась всхлипывающая, бормочущая молитва.

– Боже, о Боже на Небесах, защити меня...

Ибо он читал:

Как и в случае с Аутиэлем Дурием, мы наблюдаем, что этот экземпляр вриколака охотится только за кровью в своей собственной семье. Он не обладает ни одной из характеристик вампира-нежити, обычно являясь живым мужчиной с нормальной внешностью, не подозревающим о присущем ему демонизме.

Но этот вриколак не может действовать в соответствии со своей демонической одержимостью, если только он не находится в присутствии второго члена той же семьи, который действует как посредник между человеком и его демоном. Этот медиум не обладает ни одной из черт вампира, но он

чувствует сущность этого существа (когда вот-вот произойдет метаморфоза) по причине сильных болей в голове и горле. И вампир, и медиум испытывают схожие реакции, включая тошноту, ночные видения и физическое беспокойство.

Когда эти два изгоя находятся на определенном расстоянии друг от друга, слияние врожденного демонизма завершается, и вампир подвергается его атакам, требуя крови для своего пропитания. В это время ни один член семьи не находится в безопасности, ибо вриколаки, действуя в своем истинном качестве на земле, безошибочно будут искать кровь. В редких случаях, когда другие жертвы недоступны, вампир даже возьмет кровь у того самого медиума, который сделал это возможным.

Этот вампир рождается в определенных старых семьях, и ничто, кроме смерти, не может его уничтожить. Он не осознает своего кровавого безумия и действует только в психическом состоянии. Медиум также не осознает своей ужасной роли; и когда эти двое вместе, несмотря на любой промежуток времени, слияние наследства настолько сильное, что никакая сила, известная на земле, не может повернуть его вспять.

3

Дверь дома захлопнулась с внезапным, прерывистым стуком. Заскрежетал замок, и по дощатому полу зазвучали шаги Генри Дурии.

Артур вскочил с кровати. У него было время только на то, чтобы бросить эту навязчивую книгу в сумку, прежде чем он почувствовал, что в дверях стоит его отец.

– Ты— ты не бреешься, Артур.

Слова Дурия, произнесенные нерешительно, были бесцветными. Он перевел взгляд со стола на Гладстон и на своего сына. Мгновение он ничего не говорил, его взгляд был непроницаем. Затем:

– Снаружи разразилась настоящая буря.

Артур проглотил первые слова, которые застряли у него в горле, и быстро кивнул.

– Да, не так ли? Настоящий шторм. – Он встретился взглядом с отцом, его лицо пылало. – Я— я не думаю, что буду бриться, папа. У меня болит голова.

Дурия быстро вошел в комнату и схватила Артура за руки.

– Что ты имеешь в виду – у тебя болит голова? Как? Твое горло...

– Нет! – Артур отдернулся. Он рассмеялся. – Это все твое французское рагу! Оно попало мне в живот!

Он прошел мимо отца и начал подниматься по лестнице.

– Тушеное мясо? – Дурия повернулся на каблуках. – Возможно. Мне кажется, я и сам это чувствую.

Артур остановился, его лицо внезапно побледнело.

– Ты тоже?

Слова были едва слышны. Их взгляды встретились – столкнулись, как дуэльные мечи.

В течение десяти секунд ни один из них не произнес ни слова и не пошевелил ни единым мускулом. Артур с лестницы смотрел вниз; его отец внизу смотрел на него снизу вверх. У Генри Дурии кровь медленно отхлынула от лица и оставила пурпурный след на переносице и над глазами. Он был похож на мертвую голову.

Артур поморщился от этого зрелища и отвел глаза. Он повернулся, чтобы подняться по оставшимся ступеням.

– Сынок!

Он снова остановился; его рука крепче сжала перила.

– Да, папа?

Дурия поставил ногу на первую ступеньку:

– Я хочу, чтобы ты запер свою дверь сегодня вечером. Ветер заставил бы ее стучать!

– Да, – выдохнул Артур и поднялся по лестнице в свою комнату.

Глухие шаги доктора Дурии звучали ровными, беззвучными ударами по полу коттеджа Тимбер-Лейк. Иногда они останавливались, и их место занимало потрескивающее шипение серной спички, затем, возможно, протяжный вздох и

снова шаги....

Артур присел на корточки у открытой двери своей комнаты. Его голова была запрокинута в ожидании этих звуков снизу. В его руках был двуствольный дробовик большого калибра.

...глухой удар... глухой звук... глухой звук....

Затем пауза, звон стакана и бульканье жидкости. Вздох, топот ног по полу....

– Он хочет пить, – подумал Артур – Хочет пить!

Снаружи буря переросла в ярость. Молнии зигзагами пронеслись между горами, наполняя долину странным фосфоресцированием. Гром, как барабаны, гремел непрерывно.

Внутри домика тепло камина нагнетало атмосферу, густую от застоя. Все двери и окна были заперты, масляные лампы слабо горели – бледный, анемичный свет.

Генри Дурия подошел к подножию лестницы и остановился, глядя вверх.

Артур почувствовал его движения и нырнул обратно в свою комнату, сжимая пистолет дрожащими пальцами.

Затем на первой ступеньке послышались шаги Генри Дурия.

Артур опустился на одно колено. Он прижал кулак к зубам, когда сквозь них пробилась молитва.

Дурия поднялся на вторую ступеньку... и еще одна... и еще одна. На четвертой ступеньке он остановился.

– Артур! – Его голос прорезал тишину, как щелчок кну-

та. – Артур! Ты не спустишься сюда?

– Да, папа.

Измученный, его тело висело, как ткань, юный Дуррия сделал пять шагов к лестничной площадке.

– Мы не можем быть дураками! – воскликнул Генри Дуррия. – Моя душа больна от страха. Завтра мы возвращаемся в Нью-Йорк. Я собираюсь первым же кораблем выйти в открытое море.... Пожалуйста, спустись сюда.

Он повернулся и спустился по лестнице в свою комнату.

Артур проглотил слова, которые застряли у него во рту. Наполовину ошеломленный, он последовал за ним....

В спальне он увидел своего отца, растянувшегося на кровати лицом вверх. Он увидел кучу веревок у ног своего отца.

– Привяжи меня к столбикам кровати, Артур, – последовала команда. – Свяжи мне обе руки и обе ноги.

Артур стоял, разинув рот.

– Делай, как я тебе говорю!

– Папа, что за...

– Не будь дураком! Ты читал эту книгу! Ты знаешь, в каком ты со мной родстве! Я всегда надеялся, что это Сесилия, но теперь я знаю, что это ты. Я должен был догадаться об этом в ту ночь двадцать лет назад, когда ты жаловался на головную боль и ночные кошмары.... Быстро, моя голова раскалывается от боли. Свяжи меня!

Потеряв дар речи, чувствуя, как его собственная боль пронзает его агонией, Артур взялся за эту ужасную задачу.

Он связал обе руки и обе ноги... привязал их так крепко к железным столбам, что отец не мог приподняться с кровати ни на дюйм.

Затем он задул лампы и, не взглянув больше на этого Прометея, снова поднялся по лестнице в свою комнату, захлопнул и запер за собой дверь.

Он бросил взгляд на свой пистолет и положил его на стул у кровати. Он сбросил халат и тапочки и через пять минут уже спал без чувств.

4

Он проспал допоздна, а когда проснулся, его мышцы были жесткими, как доски, и затаившиеся видения кошмара застыли у него перед глазами. Он оттолкнулся от кровати и ошеломленно замер на полу.

Тупое, ошеломляющее распятие пронеслось в его голове. Он чувствовал себя раздутым... грубым и истекающим внутренней слизью. Во рту у него пересохло, десны болели и саднили.

Он крепче сжал руки и бросился к двери.

– Папа, – закричал он и услышал, как его голос срывается в горле.

Солнечный свет проникал через окно на верхней площадке лестницы. Воздух был горячим и сухим, и в нем чувствовался легкий запах разложения.

Артур внезапно отпрянул от этого запаха – отпрянул со вздохом ужасного страха. Ибо он узнал его – эта вонь, тяжесть его крови, боль в языке и деснах.... Казалось, это длилось целую вечность, но все же поднималось, как дух, в его памяти. Все это он знал и чувствовал раньше.

Он прислонился к перилам и наполовину соскользнул, наполовину скатился вниз по лестнице....

Его отец умер ночью. Он лежал, как восковая фигура, привязанный к кровати, его лицо было в узлах.

Артур молча постоял в ногах кровати всего несколько секунд, а затем вернулся наверх в свою комнату.

Почти сразу же он разрядил оба ствола дробовика себе в голову.

Трагедия на Тимбер-Лейк была обнаружена случайно три

дня спустя. Группа рыбаков, обнаружив два тела, уведомила государственные органы, и расследование было непосредственно начато.

Артур Дурия, несомненно, встретил смерть от своих собственных рук. Состояние его ран и то, как он держал смертоносное оружие, сразу же исключили подозрение в какой-либо нечестной игре.

Но смерть доктора Генри Дурии поставила полицию перед необъяснимой загадкой, поскольку из его связанного тела, невредимого, за исключением двух рваных отверстий над яремной веной, была выкачана вся кровь.

Протокол вскрытия Генри Дурии установил смерть по "неопределенным причинам", и только после того, как желтые таблоиды начали расследование семейной истории рода Дуриев, публике были предложены невероятные и фантастические объяснения.

Очевидно, что такие разговоры вызывали всеобщее недоверие, однако, учитывая последовавшую за этим скандальную войну, власти сочли целесообразным отправить обоих Дуриев в крематорий....

